

В.В. Клочков

Институциональные деформации в сфере научных публикаций и контроля их оригинальности

Реформы российской науки стимулировали рост публикационной активности отечественных ученых, резко повысили значимость научных публикаций как таковых.

С одной стороны, безусловно, сама суть научной деятельности (здесь и далее по умолчанию речь идет о фундаментальной науке) предполагает широкое обнародование научных результатов, как правило – именно посредством публикаций. Оно необходимо:

- для распространения новых фундаментальных знаний (и, возможно, их дальнейшего практического использования после проведения прикладных исследований);
- для критической апробации научным сообществом (и весьма вероятной последующей корректировки) новых гипотез, теорий, моделей и методов в научном сообществе;
- а также для взаимного обогащения ученых новыми знаниями, для «встраивания» отдельных результатов в общее «здание» науки, которая в настоящее время не делается в одиночку.

Практически все значимые научные результаты в настоящее время являются синтетическими, т.е. опираются на ранее полученные знания, и сами, в свою очередь, послужат основой для будущих результатов. Причем, это касается как взаимодействия ученых в научном сообществе, так и развития, «жизненного цикла» отдельного ученого – о чем придется вспомнить далее.

Но, с другой стороны, рост объема и значимости публикаций в научной деятельности, в жизни каждого ученого, повышенное внимание к ним со стороны контролирующих и финансирующих науку государственных органов не могли не вызвать и роста оппортунистических и рентоориентированных действий со стороны целого ряда заинтересованных групп. В части, касающейся научных публикаций, усугубляются дисфункции институтов, регулирующих научную сферу (причем, как формальных, государственных, так и неформальных – т.е. разнообразных норм и традиций, принятых в научном сообществе).

Здесь нет необходимости вновь обсуждать глубоко изученные (см., например, [2, 6]) проблемы фетишизации со стороны управленцев библиометрических показателей, на практике не имеющих прямого отношения к

науке, и создающих искаженные стимулы, не способствующие ни повышению общественной «полезности» науки, ни ее устойчивому развитию, ни здоровому моральному климату в научном сообществе. Эти проблемы являются общими во всем мире, и здесь Россия, скорее, находится в положении догоняющего – когда большинство ведущих научных держав мира уже отказывается (причем, подчеркнуто официально, см., например, [1]) от применения библиометрических критериев для управления наукой, финансирования научных коллективов, аттестации научно-педагогических кадров и т.п., российское Минобрнауки только расширяет сферу их применения. В России имеет место импорт устаревших и дискредитировавших себя в ведущих мировых научных державах мира институтов, которые, помимо прочего, являются для России токсичными.

В современной России библиометрический фетишизм имеет следующую специфическую особенность. Официальные критерии подчеркивают значимость публикаций именно в зарубежных журналах (вплоть до категоричного отказа учитывать публикации в отечественных). Грантовая поддержка от Российского научного фонда, полностью финансируемого из российского госбюджета, жестко обусловлена именно публикациями в зарубежных научных журналах (то же самое касается и замещения научных и административных должностей в российских научных организациях и вузах). Таким образом, государство, в лице Минобрнауки, прямо ставит развитие российской науки, выбор ее приоритетов, аттестацию и карьерные перспективы ученых, оценку результативности и решения о развитии научных организаций, в зависимость от «объективного и беспристрастного» зарубежного научного сообщества. В условиях нарастания геополитической напряженности, многочисленных примеров усиления политизации всех отраслей науки, такое решение, по меньшей мере, нуждается в дополнительном обосновании с точки зрения национальных интересов России.

Однако здесь особое внимание будет уделено деформации самой научной деятельности под влиянием некоторых системных негативных явлений в сфере научных публикаций.

Прежде всего, следует обратить внимание на явление, называемое некоторыми издателями и даже учеными, самоплагиатом, или автоплагиатом. В отличие от собственно плагиата – однозначно негативного и, как правило, незаконного поведения, состоящего в сознательном присвоении чужих результатов – здесь речь идет об использовании авторами своих собственных произведений в других своих произведениях. В постсоветской России, особенно после начала публикационно-библиометрического бума в 2000-х гг., такие действия, во-первых, очень негативно воспринимаются редакциями журналов (и чаще всего влекут отказ даже в принятии работы к рассмотрению по существу). Во-вторых, они вызвали дискуссию в самом научном сообществе, и в ряде публикаций были осуждаемы (причем, с применением развернутых аргументов) отдельными учеными, см.,

например, [3]. Причем, сторонники соответствующей точки зрения (о недопустимости самоплагиата) особо подчеркивают именно морально-этические аспекты, утверждая, что такие действия противоречат моральным нормам и ценностям научного сообщества, и однозначно должны отрицательно влиять на репутацию ученого.

Однако такая точка зрения нуждается в дополнительном обосновании:

- как с юридической точки зрения (поскольку само использование термина «самоплагиат», как подробно обосновано в работе [7] и ряде других, свидетельствует о крайне поверхностном знакомстве использующих его с основами права, в т.ч. авторского, и с формальной логикой);

- так и с практической – в самом деле, зададимся вопросом: чьи права ущемляет, или кому создает неудобства ученый, используя в своих новых публикациях элементы прежних своих же работ (т.е. не заимствуя научные результаты ни у кого, кроме себя)?

Как уже было сказано выше, часто ученый, работая над некоторой масштабной проблемой, много лет развивает некоторое целостное научное направление, получая систему взаимосвязанных результатов. И если он, излагая новые результаты, тут же приводит для справки свои же предшествующие результаты, на которые опирается, это лишь удобнее для читателей, которые могут воспринимать статью как целостное, логически завершенное произведение.

Нередко редакции в таких случаях предлагают авторам сослаться на свои предшествующие работы, «сэкономив» объем новой публикации. Еще раз подчеркнув, что для читателей такая тактика менее удобна (им придется искать предшествующие публикации и изучать их отдельно) выскажем небесспорное предположение, что описанная политика научных журналов обусловлена их стремлением заставить читателей – если они все-таки хотят разобраться в научной работе – одновременно получить и ряд предшествующих релевантных статей. Коммерческий смысл такого ретро-ориентированного поведения издательств в условиях платной подписки на научные журналы и платного доступа к библиометрическим базам данных очевиден. Однако то, что лоббирование коммерческих интересов журнального бизнеса (и без того весьма рентабельного за рубежом, подробнее о его уникальной экономической специфике, см., например, [8]) относится к неотъемлемым моральным основам научного сообщества, нуждается в дополнительном обосновании. В дополнение можно заметить, что ученые, осуждающие самоплагиат, сами нередко бывали уличены в осуждаемом ими поведении, см. [9] (что, как правило, характерно для лиц, подчеркивающих высокоморальный характер защищаемых ими тезисов, приверженность высшим ценностям и заботу о чистоте своей репутации).

К иным аргументам борцов с самоплагиатом, кроме небесспорных апелляций к морали, относятся следующие.

Во-первых, в условиях фетишизации библиометрических показателей и их использования для определения объемов финансирования, автор, многократно использующий одни и те же публикации, получает необоснованное конкурентное преимущество перед коллегами. Заметим, что это, по существу – именно аргумент против самих библиометрических критериев аттестации ученых, измерения их результативности и т.п. В самом деле, они создают искаженные стимулы, заставляя ученых публиковать гораздо больше работ, чем они получили научных результатов, требующих обнародования. Причем, самоплагиат – тем более, если на основе предшествующих результатов (хотя бы и занимающих 90% объема статьи) получен новый результат – далеко не самый результативный и не самый вредный для науки метод «накрутки» библиометрических показателей.

Во-вторых, издатели журналов как коммерческие предприятия стремятся к эксклюзивности своего «товара» - научных публикаций, предоставляемых, как правило, на основе платной подписки или избирательного платного доступа. Поэтому издатели часто включают в авторские договоры соответствующие пункты, согласно которым автор гарантирует, что ранее не публиковал свое произведение. При этом следует подчеркнуть, что большинство издателей научных журналов не платит гонораров авторам (напротив, нередко практикуется обратное, в т.ч. в высокорейтинговых зарубежных изданиях), как, кстати, и вознаграждения рецензентам. И выдвижение на этом фоне дополнительных требований к авторам, фактически, по односторонней уступке их авторских прав, является лишь проявлением рыночной власти научных журналов (усиленной управленческими новациями в науке). Поэтому апелляции защитников указанного «неотъемлемого права» издателей к моральным ценностям и справедливости неуместны.

При этом следует уточнить, что экономическое положение наиболее авторитетных и добросовестных российских научных журналов является бедственным, в отличие от феномена «тройной прибыли» крупнейших зарубежных научных издательств, описанной в зарубежных публикациях, см. [8], а также весьма успешного бизнеса, развившегося в России на почве вышеописанного библиометрического фетишизма и специализирующегося на размещении работ российских ученых (безотносительно к их реальной научной ценности) в зарубежных изданиях, индексируемых в соответствующих базах данных – чаще всего, в трудах многочисленных конференций, специально организуемых с этой целью. Нередко такие фирмы, взяв плату за свои услуги, не могут гарантировать индексацию принятых публикаций в желаемых заказчиками базах данных. На этом фоне аргументы сторонников измерения публикационной активности российских ученых, прежде всего, на основе публикаций в «неподкупных» зарубежных изданиях (в противовес «коррупцированным» российским) уже требуют дополнительного обоснования.

Возвращаясь к первоосновам, к истинным мотивам научных публикаций как средства информирования о научных результатах, следует подчеркнуть, что все подобные аргументы не имеют ничего общего с интересами науки и научного сообщества, с соображениями повышения качества научных работ, упрощения и активизации обмена научной информацией.

При этом, несмотря на то, что журналы предлагают авторам сослаться на свои предшествующие публикации (вместо краткого изложения их сути), как правило, они ограничивают и самоцитирование, устанавливая правила, что ученый имеет право опираться на свои предшествующие работы, например, лишь в объеме не более 10% от общего количества источников (наиболее частый «норматив»), а в остальном – ссылаться на других ученых. Разумеется, такие формальные требования также не имеют ничего общего с научными соображениями. Ссылочный аппарат каждой научной публикации должен диктоваться исключительно ее внутренней логикой, ее спецификой.

При сложившейся системе правил в научных журналах, фактически, не приветствуются длительные и глубокие исследования отдельными учеными комплексных проблем. Становятся невозможными научные обобщения, осмысление ранее полученных результатов как системы знания – что является одной из главных функций фундаментальной науки. Наоборот, ученых стимулируют к «клиповым» исследованиям, в которых нет места опоре на систему ранее полученных результатов, длительному развитию своих научных направлений. Это уже – значимая деформация сути научной работы в угоду оппортунистическим устремлениям околонучного журнального и т.п. бизнеса. Можно искать пути нейтрализации таких институциональных эффектов, или адаптации к ним, но провозглашать их священными моральными нормами научного сообщества представляется несколько преждевременным.

В связи с этим следует обратить внимание на самое уродливое проявление борьбы с самоплагиатом. Оно имеет место не в сфере публикации научных статей в журналах, а в сфере написания и защиты диссертационных работ. Как уже неоднократно отмечено другими авторами [4], в целом сфера аттестации научных кадров в современной России претерпела деструктивные изменения, противоречащие интересам науки. Сама эта система в настоящее время деформирована в интересах не ученых (причем, добросовестных, самостоятельно получающих новые и состоятельные результаты, и желающих получить заслуженное государственное признание своей квалификации), а рентоориентированных групп, в лучшем случае не имеющих отношения к науке. Следует отметить значительные объемы ресурсов – временных, трудовых и финансовых – которые научные организации и диссертационные советы вынуждены тратить на проверку диссертационных работ через систему «Антиплагиат» и ей подобные.

Но апофеозом институциональных дисфункций в этой сфере является, по нашему мнению, то, что до сих пор порицалось или даже жестко запрещалось использование в текстах диссертационных работ собственных статей и др. публикаций диссертантов. Такая практика не просто совершенно незаконна, с точки зрения авторского права – она противоречит и основам Положения о присуждении ученых степеней [5], согласно которому (и эта норма существовала в таких положениях всегда) все основные результаты диссертационного исследования, выносимые на защиту, должны быть ранее опубликованы соискателем в рецензируемых научных изданиях. Т.е. диссертацию нельзя написать и защитить иначе, как на основе своих же предшествующих статей – что совершенно справедливо. И тем не менее, с точки зрения многих диссертационных советов и работников ВАК Минобрнауки России, автор не имеет права использовать тексты своих же статей в диссертации.

Это абсурдное противоречие на практике нередко разрешается путем т.н. рерайтинга, т.е. переписывания «другими словами» статей самого автора в тексте диссертации. Многие соискатели, шокированные абсурдностью таких требований, соглашаются воспользоваться услугами специализированных фирм. Их деятельность имеет такое же отношение к интересам науки, как и деятельность «антиплагиатных» фирм – и зачастую эти виды деятельности совмещаются в одних и тех же организациях. Также обычно предлагается (и явно выполняется) рерайтинг не только собственных текстов соискателя. Фактически, содержательный анализ научно-квалификационных работ по существу, с точки зрения их реальной новизны и вклада в науку (что невозможно исказить никаким рерайтингом) подменяется формальным анализом сочетаний букв.

Заметим, что более корректные, квалифицированные и добросовестные диссертационные советы, понимая абсурдность и недопустимость подобных требований, пытаются исключить собственные тексты автора из базы поиска в системе «Антиплагиат» – и такая опция в системе присутствует, но включается за дополнительную плату. Подчеркнем, что речь идет о системе, официально используемой в сфере государственной аттестации научных кадров.

Только 24 июня 2021 г. ежегодный Пленум ВАК Минобрнауки России принял решение «рекомендовать диссертационным советам не считать некорректными заимствованиями в диссертации фрагменты монографий и статей диссертанта» - т.е. рекомендовать все-таки следовать законодательству Российской Федерации, собственному Положению о присуждении ученых степеней, здравому смыслу и интересам науки, а не интересам околонучного (и по сути – глубоко антинуучного) бизнеса, как это было до сих пор.

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод, что включение показателей публикационной активности ученых в систему управления

наукой (в т.ч. ее финансирования, мониторинга результативности и эффективности, аттестации ученых и научных коллективов) усилило возможности поиска ренты и оппортунизма со стороны как собственно журнального бизнеса, так и прочих отраслей околонучного бизнеса, преимущественно паразитического. Эти силы, пользуясь своей существенно возросшей рыночной властью, сформировали систему пагубных для развития науки (и собственно для обмена научной информацией) институциональных норм. При этом ее бенефициары стремятся к получению не только административной, основанной на принуждении, но и «моральной» институциональной ренты, убедив значительную часть ученых (в т.ч. лидеров научных коллективов, руководителей организаций) в том, что выгодные им нормы и правила относятся к ключевым моральным ценностям научного сообщества. Первый шаг к устранению описанных институциональных дисфункций – осознание их как пагубных и опасных для развития науки, аморальных, хотя и лицемерно претендующих на роль высокоморальных.

Литература

1. Игра в цыфирь, или как теперь оценивают труд ученого (сборник статей о библиометрике). – М.: МЦНМО, 2011. – 72 с.
2. Ключков В.В., Крупина С.М. Экономический анализ эффективности ранжирования научных работников по наукометрическим критериям // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 44 (347). С. 14-29.
3. Котляров И.Д. Самоплагиат в научных публикациях // Научная периодика: проблемы и решения. 2011. № 4. С. 6-12.
4. Нижегородцев Р.М. Вакханалия диссерастов: кто и зачем пытается развалить систему аттестации научных кадров // International independent scientific journal. 2020. No. 12-2 (12). P. 18-30.
5. Положение о присуждении ученых степеней. Утверждено Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 N 842 (ред. от 01.10.2018, с изм. от 26.05.2020).
6. Управление большими системами. Сборник трудов. Специальный выпуск 44 «Наукометрия и экспертиза в управлении наукой» / Под ред. Д.А. Новикова, А.И. Орлова, П.Ю. Чеботарева. – М.: ИПУ РАН, 2013. 568 с.
7. Чайков М.Ю., Штенников В.Н., Зяблова А.Ю. Что такое «самоплагиат» // Правовая защита, экономика и управление интеллектуальной собственностью. Материалы научно-практической конференции. Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГАОУ ВПО "Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина", 2015. С. 92-94.
8. Buranyi, S. Is the staggeringly profitable business of scientific publishing bad for science? // Guardian. 27th June, 2017. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/science/2017/jun/27/profitable-business-scientific-publishing-bad-for-science>.
9. <https://phdru.com/publications/selfplagiarism/>.